

сами, которыя напавшимъ снѣгомъ были столь тѣсно соединены одна съ другою, что пробиться сквозь нихъ не было никакой возможности. Отсюда путешественники возвратились въ Фанъ-Дименову Землю.

Большой южный материкъ, который открыли неустрашимые мореплаватели и слѣдили на протяженіи девяти градусовъ, отъ 70° до 79° южной широты, капитанъ Россъ назвалъ, по имени своей королевы, Землею Викторіи.

ХИВА

ЗА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Сто лѣтъ тому, Россія, хотя короткое время, находилась съ Хивою въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ, какія съ тѣхъ поръ не возобновлялись. Владѣтелемъ Хивы былъ русскій подданный. Русскіе не только пользовались тамъ безопасностію и покровительствомъ хана; но еще его самого защитили на-время отъ мести страшнаго сосѣда.

Это было въ концѣ тысяча семьсотъ сороковаго года.

Воннственный Надиръ-Шахъ, владѣтель Персіи, возвратился изъ своего похода въ Индію, захвативъ сокровища великаго могола и *буквально* лишивъ его престола, потому-что драгоцѣнный тронъ изъ рѣдкихъ каменьевъ въ самомъ дѣлѣ находился въ числѣ его побѣдныхъ трофеевъ. Впрочемъ шахъ персидскій не намѣренъ былъ отдыхать на лаврахъ и грозилъ вторженіемъ во владѣнія хановъ Бухары и Хивы, которые въ его отсутствіе сдѣлали нѣсколько набѣговъ на пограничныя области Персіи. Дѣйствительно, послѣ кратковременнаго отдыха въ Гератѣ, онъ направилъ свои полчища на Балхъ, перешелъ при Чарджу черезъ рѣку Аму, и продолжалъ путь къ Бухарѣ. Страхъ овладѣть Узбеками. Слухи о вторженіи огромной арміи въ Мавераннегръ проникли даже въ Россію и побудили правительство къ укрѣпленію границъ по Уралу и только-что

образовавшейся тогда оренбургской лини: «всякія острожности были учреждены», говорит Оренбургская Исторія Рычкова, «дабы отъ Персіянъ никакого наглаго и нечаяннаго нападенія не было.»

Абуль-Файзъ, ханъ бухарскій, не дожидаясь прибытія Персіянъ къ своей столицѣ, лично явился въ не-пріятельскій лагерь (въ послѣднихъ числахъ Августа 1740 года), отказываясь отъ власти и предавалъ себя въ руки шаха. Такое смиреніе подѣйствовало. Надиръ оказалъ ему милость: оставилъ его на ханствѣ, съ условіемъ, чтобы Аму-Дарья сдѣлалась впредь границею персидскихъ и бухарскихъ владѣній; пощадилъ его столицу, съ тѣмъ, чтобы онъ выставилъ вспомогательное войско; и въ заключеніе, политическій союзъ скрѣпилъ двойнымъ союзомъ брачнымъ: женилъ племянника своего на дочери бухарскаго хана, а самъ женился на сестрѣ его. Знаменитый шахъ Персіи вообще любилъ, кажется, заключать или предупреждать ужасы войны свадебными пирами: въ предшествовавшій походъ, послѣ взятія Дегли, столицы великаго могола, онъ женилъ сына своего на дочери побѣжденнаго Бабериды, а спустя менѣе года послѣ своей женитьбы въ Бухарѣ, прислалъ пословъ въ Петербургъ просить для себя руки принцессы Елисаветы Петровны (въ Іюлѣ 1741 года).

Ханъ хивинскій Іолбарсъ или Ильбарсъ рѣшился также предупредить грозу, но инымъ образомъ. Пока Надиръ-Шахъ праздновалъ свою свадьбу въ Бухарѣ, Іолбарсъ-Ханъ съ многочисленнымъ отрядомъ подкрался къ персидскому лагерю на Аму-Дарѣ, въ намѣреніи разбить мостъ и овладѣть лодками со съѣстными и военными припасами. Персіяне, смятые въ началѣ неожиданнымъ нападкомъ, подъ-конецъ оправившись. Хивинцы были въ свою очередь разбиты и прогнаны; ханъ ихъ попался въ плѣнъ съ множествомъ своихъ приближенныхъ, и вмѣстѣ съ ними былъ зарытъ въ землю живою.

Хива осталась безъ владѣтеля. Надиръ-Шахъ назна-

чилъ Тагиръ-Хана, родственника своего новаго тестя; но Абуль-Хайръ, ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, честолюбивый и хитрый интригантъ, воспользовался смутнымъ временемъ, и умѣлъ привлечь на свою сторону Хивинцевъ: его пригласили въ Хиву и провозгласили ханомъ хивинскимъ *.

Абуль-Хайръ, еще въ 1731 году присягнувшій на подданство Россіи, въ то время находился на Сыръ-Дарѣ съ русскими инженерами, которыхъ онъ испросилъ для построенія укрѣпленнаго городка на этой рѣкѣ. Онъ не заставилъ ждать себя въ Хивѣ, и прибылъ туда съ своими Киргизъ-Казаками, поручикомъ Гладышевымъ, инженеромъ Назимовымъ, геодезистомъ Муравинимъ и конвоемъ уральскихъ казаковъ. Между тѣмъ Надиръ-Шахъ подступилъ къ предѣламъ Хивы и началъ военныя дѣйствія. Бетнакъ или Питнакъ, первый городъ хивинскаго оазиса на пути отъ Бухары, — названіе котораго Персіяне измѣнили, для остроты, въ *Фит-*

* Объ ужасной смерти Іолбарсъ-Хана свидѣлствуютъ мирза Мегли, секретарь и историкъ шаха Надира (см. William Jones's Works, vol. V, p. 335) и Г. Фрезеръ въ своемъ Narrative of a journey into Khorasan, Appendix B, part II; но Абдуль-Керимъ, находившійся при войскѣ Надира въ продолженіе всего похода, увѣряетъ, что этотъ ханъ былъ еще живъ во время осады Хивы и задушенъ уже послѣ взятія этого города (см. Memoirs etc. edited by Gladwin, и Voyage etc. publié par Langlès). Странно, что во всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи объ Абдуль-Хайрѣ. Но какъ его минутное царствованіе въ Хивѣ подтверждается русскими официальными актами (см. Рычкова Исторія Оренбургская и Левшина Описание Киргизъ-Кайсацкихъ степей, часть II), и какъ притомъ онъ находился въ Хивѣ, когда она еще не была разорена, — чему служить доказательствомъ планъ этого города, снятый русскимъ инженеромъ, и отправленіе Муравина къ шаху съ просьбою о помилованіи города, — то я съ достаточною вѣроятностію предположилъ время ханствованія Абуль-Хайра между эпохой умерщвленія Іолбарсъ-Хана и взятіемъ Хивы Надиромъ.

не, что по-персидски значить «раздоръ» и «измѣна»: — былъ взятъ и разоренъ. Укрѣпленный городъ *Гезартъ-Депъ* (Сто Лошадей) также былъ обложенъ непріятельскимъ войскомъ. Персіяне подступали къ Хивѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ, Абуль-Хайръ-ханъ, опасаясь вѣроятно страшной участи своего предмѣстника, упросилъ русскаго геодезиста Муравина принять на себя посредничество между нимъ и шахомъ, и отправилъ его въ персидскій лагерь. Надиръ-Шахъ привѣтливо принялъ русскихъ, общалъ оставить Абуль-Хайра на ханствѣ, и приглашалъ его въ свой лагерь, съ увѣреніемъ, что онъ принять будетъ какъ подданный Россіи, съ которою шахъ желаетъ всегда жить въ мирѣ и согласіи. Посолъ одаренъ былъ деньгами и подарками, и отпущенъ въ Хиву. Большія выгоды для Россіи и для самой Хивы могли произойти отъ утвержденія Абуль-Хайра на ханствѣ: онъ зналъ Русскихъ по частымъ сношеніямъ съ ними какъ ханъ Меньшой Киргизъ-кайсацкой Орды, питалъ къ нимъ довѣріе, и для собственной выгоды поддерживалъ бы торговлю двухъ народовъ. Но это не сбылось. Не смотря на почетный приѣмъ Муравина въ станѣ надировомъ, Абуль-Хайръ, по недовѣрчивости или боязни, не рѣшился на посѣщеніе шаха. Онъ поспѣшно оставилъ Хиву, и убѣжалъ въ свою орду. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ городъ былъ взятъ Персіянами и разоренъ въ концѣ. Жители были перерѣзаны; семь тысячъ плѣнныхъ отведены въ Персію, и поселены въ Хорасанѣ, гдѣ образовали цѣлый городъ, названный въ память взятія Хивы Хивакъ-Абадомъ или Хива-Абадомъ**. Только русскіе плѣнные,

* См. Записки Абдуль-Керима.

** Въ обоихъ изданіяхъ Абдуль-Керима ошибочно написано *Джисвакъ* и *Джисвакъ-Абадъ*, вмѣсто *Хивакъ* и *Хивакъ-Абадъ*: это явная ошибка переписчика, происшедшая отъ одной лишней точки подъ первою буквою этихъ словъ.

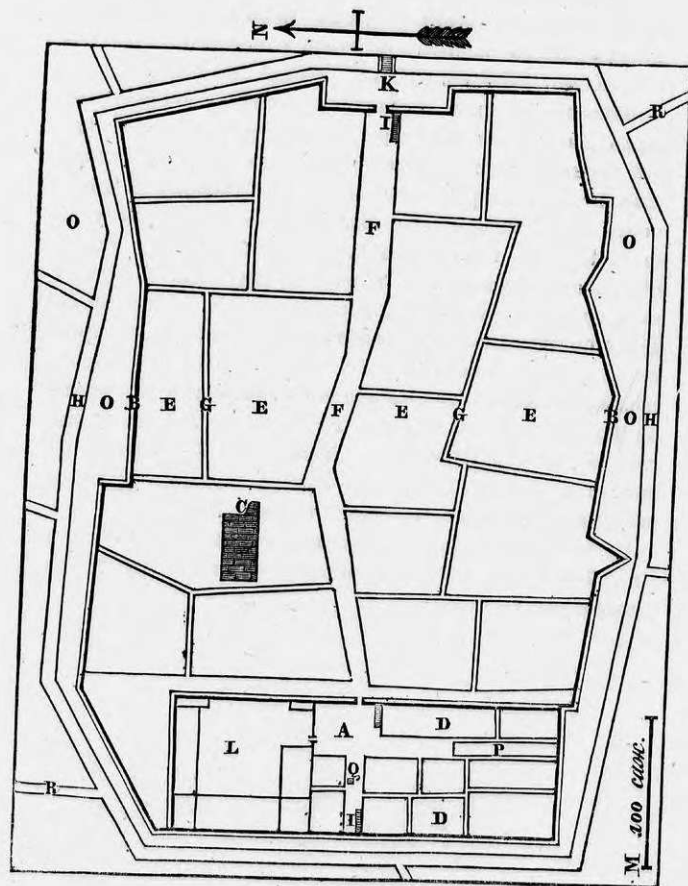
находившіеся въ Хивѣ, были пощажены: шахъ возвратилъ имъ свободу, далъ каждому изъ нихъ по лошади и денегъ по пятидесяти рублей, и отослалъ въ Россію. Это обстоятельство служить подтвержденіемъ искренности Надира въ обѣщаніяхъ, данныхъ Муравину.

Бывшіе при Абуль-Хайръ-Ханѣ русскіе офицеры оказали услугу географіи снятіемъ первыхъ топографическихъ картъ киргизской степи и перваго плана города Хивы. Къ сожалѣнію, доселѣ не были изданы ни описаніе страны, сдѣланное этими офицерами, ни планъ Хивы, единственный доселѣ извѣстный и имѣющій притомъ то достоинство, что изображаетъ Хиву за столѣтъ назадъ, до разоренія ея шахомъ Надиромъ. Этотъ планъ снятъ инженеромъ Назимовымъ. Имѣвъ случай приобрести съ него снимокъ, мы сочли долгомъ издать его съ находящимися на немъ объясненіями. Мы такъ мало знаемъ о Хивѣ, что и этотъ планъ можетъ быть не бесполезенъ для соображеній географа. Послѣ капитана, теперь генералъ-лейтенанта, Н. Н. Муравьева, сколько извѣстно, только два образованныхъ Европейца посѣтили этотъ городъ: г. поручикъ Антовъ и англійскій агентъ Шекспиръ, бывшіе въ Хивѣ во время похода генерала Перовскаго. Будемъ надѣяться, что они обогатятъ науку новыми извѣстіями о Хивѣ.

Вотъ планъ Хивы, снятый инженеромъ Назимовымъ въ 1740 году, съ объясненіями, какія находятся на подлинномъ планѣ:

П Л А Н Ъ Х И В Ы

ВЪ 1740 ГОДУ.

- А. «Въ хивинской крѣпости замокъ».
 В. Стѣна городова, сдѣлана изъ глины. (NB. Стѣна эта вышиною не менѣе пяти сажень, а шириною въ двѣ сажени; зубцы — въ два аршина ширины).
 С. Профиль стѣны городской.
 D. Въ замкѣ строеніе.
 E. Строеніе обывательское въ городѣ, мазанковое.
 F. Улица большая.
 G. Переулки узкіе.
 H. Каналь около города, который пропущенъ изъ Аму-Дарьи рѣки, и съ маленькими канальцы.
 I. Лѣстницы на городовыя стѣны.
 K. Мостъ черезъ каналъ.
 L. Домъ ханскій въ замкѣ.
 M. Масштабъ крѣпости.
 N. (Сѣверъ).
 O. Сады около города.
 P. Заводы, гдѣ хлѣбъ мелютъ.
 Q. Колодезь въ замкѣ.
 R. Канальцы маленькіе, пропущенные изъ Аму-Дарьи рѣки въ большой каналъ.

П. Савельевъ.

Изданъ 30 июля 1873 года.

Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ «Нивы».

Годовой экземпляръ „НИВЫ“ состоитъ изъ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	4 р.	—	к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „	—	„
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбургъ . .	4 „	50 „	
„	Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „	50 „	
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію	5 р.	50 к.	

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	2 р.	—	к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	2 „	50 „	
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, и А. Лангъ	2 „	50 „	
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію .	3 „	—	„

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Голосъ хивинскихъ плѣнныхъ

Еще пройдетъ немного времени—и мы узнаемъ въ подробности о всемъ, что встрѣтили русскіе отряды на пути въ Хиву любопытнаго, занимательнаго и притомъ совершенно отличнаго отъ нашей обыденной жизни; получатся обстоятельныя и точныя извѣстія о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ при переходѣ зыбучихъ безводныхъ песковъ, о встрѣчахъ съ хивинскими и туркменскими войсками, о самой Хивѣ, о ея народонаселеніи и о тамошнемъ образѣ жизни. Литература, статистика, исторія, географія—обогатятся новыми, неизвѣстными еще свѣдѣніями о средней Азіи; а для администраціи представится новое обширное поле дѣятельности къ обобщенію непріязненныхъ пока разнородныхъ, покоренныхъ русскимъ оружіемъ, азіатскихъ племенъ съ подданными Россіи. Отдаленность Хивы отъ Россіи, а болѣе всего безжизненность степей, отсутствіе цивилизаціи, своеобразныя нравы и обычаи кочующихъ магометанскаго вѣроисповѣданія обитателей степей, отсутствіе рѣкъ и дорогъ,—все это до сихъ поръ препятствовало не только съ научными дѣлами пускаться по песчаному морю въ Хиву, но и замедляло всегда торговое движеніе въ Среднюю Азію. Теперь мало по малу всѣ эти преграды дол-

жны устраниться; постепенно будетъ водворяться колонизація и промышленность, проведутся каналы, проруются на проложенныхъ путяхъ въ достаточномъ количествѣ искусственно и удобно примѣненные къ употребленію воды колодцы,—и степные народы, теперь уклончивые и недовѣрчивые, увидя въ русскихъ мирное обращеніе и доброту сердечную, нечувствительно будутъ съ ними сходить въ случаѣ колонизаціи, свыкаться и обобщаться въ равной трудной долѣ посреди степей, въ жизни и въ торговыхъ сношеніяхъ; а затѣмъ легко будутъ прививаться къ ихъ непріязненнымъ сердцамъ наши нравы, понятія и убѣжденія—и водворится правильный сельскій образъ жизни и промышленность по мѣрѣ производительности почвы и по качеству климата.

Принимая все это въ соображеніе, мы думаемъ, что каждая замѣтка о Хивѣ и степяхъ, отдѣляющихъ ее отъ Россіи, — подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ покореніемъ нѣсколькихъ городовъ, заслуживаетъ всеобщей извѣстности, особенно въ настоящее время, когда, по недостатку описаній этого края, почерпаются свѣдѣнія изъ иностранныхъ источниковъ. Нѣсколько показаній возвращенныхъ въ 1840 году русскихъ плѣнныхъ,

захваченных во время рыболовства на Каспійском морѣ турменцами и киргизами и проданных въ Хиву, въ нѣкоторой степени могутъ пополнить этотъ недостатокъ. Изъ показаній этихъ можно видѣть, насколько жизнь для русскихъ, которые бы желали туда переселиться, удобна и чѣмъ изобилуетъ сравнительно съ Россіею тамошняя природа; а для торговцевъ объясняется, какіе могутъ покупать товары и по какой цѣнѣ. Для поддержанія сношеній съ Хивою такія свѣдѣнія на первыхъ порахъ для русскихъ надобно считать болѣе необходимыми, нежели политическія извѣстія Вамбери, который, путешествуя въ Хиву подъ видомъ пилигрима и опасаясь быть узаннымъ, не могъ усвоить себѣ основательнаго на всѣ предметы взгляда.

Плѣнникъ—астраханскій мѣшадинъ—Бирюковъ рассказывалъ намъ, что онъ взятъ въ плѣнъ киргизами и претерпѣлъ множество приключеній. „Киргизы продали меня, говорилъ онъ,—въ Хиву; здѣсь употребляли меня въ черную работу, а потомъ женился я на хивинкѣ и прижилъ двухъ дѣтей. Проживши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ, я проданъ былъ въ Бухару; но быть въ плѣну, въ какомъ бы городѣ ни находиться, вездѣ худо,—и потому я просилъ своего агу (господина), чтобы меня опять продали въ Хиву. Трудности въ работѣ, а главное тоска по родинѣ,—заставили меня бѣжать тайно отсюда, но хивинцы догнали и прибили за ухо гвоздемъ къ стѣнѣ. Прошло послѣ того еще два года, я опять задумалъ бѣжать—и сталъ узнавать, какимъ способомъ избѣжать погони и въ которую сторону направить путь. Для этого я сблизился съ однимъ русскимъ плѣннымъ, который 30 лѣтъ живетъ въ Хивѣ,—и онъ мнѣ сказалъ, что всего удобнѣе идти не по дорогѣ, а возлѣ нея по травѣ и только ночью по росѣ, а днемъ скрываться; тогда, если и будетъ погоня, то собаки, которыми розыскиваютъ слѣды бѣжавшаго, не могутъ открыть ихъ. Воспользовался я этимъ совѣтомъ и снова пустился въ путь, только не въ Россію, а въ противную сторону, къ Персіи, потому что путь сюда способнѣе; въ дорогу же, въ неизвѣстный мнѣ край и Богъ знаетъ на какое продолжительное время, взялъ только нѣсколько кусковъ хлѣба. Ушелъ я—и въ дорогѣ былъ въ большомъ страхѣ, безпрестанно припадалъ ухомъ къ землѣ, чтобы узнать, нѣтъ-ли опять погони, потому что за полверсты можно слышать, если ѣдетъ кто, или караванъ идетъ,—и каждый разъ, когда нужно было скрываться, то прятался за камни. Въ первый побѣгъ мой изъ Хивы меня настигли собаки; теперь же, въ другой разъ, благодаря совѣту русскаго, я остался цѣлъ, но въ дорогѣ исхудалъ, изнурился, пищи не было, питался травой. Два мѣсяца я шелъ такимъ образомъ, ночью по звѣздамъ, а днемъ по солнцу, и наконецъ дошелъ уже до персидской границы. По татарски я выучился говорить очень хорошо, пробывши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ и Бухарѣ,—и меня въ разговорахъ нельзя было узнать, что я русскій. Когда я подошелъ къ границѣ персидской, то узналъ, что вправо я нахожусь въ 200 верстахъ отъ Огурчинскаго острова, на Каспійскомъ морѣ, а влѣво въ 300 верстахъ отъ индѣйскаго города. Въ ближайшемъ къ границѣ персидскомъ городѣ *Шахзаде* (шахскій сынъ) градоначальникъ, которому я объяснилъ свое происхождение и причину прибытія, изъ жалости совѣтовалъ мнѣ остаться у него и предлагалъ жениться на персіянкѣ, но я не остался; онъ далъ мнѣ въ дорогу 10 р. и нѣсколько хлѣба. Не могу припомнить и объяснить всѣхъ происшествій и страданій, которыя испыталъ въ своей жизни и во время пребыванія въ плѣну и въ дорогѣ при встрѣчахъ, будучи томимъ постоянно и голодомъ, и жаждой, и наготой: судьба привела меня быть и нищимъ, и воромъ, и убійцей, и все это невольно, для спасенія собственной жизни,—и самому подвергаться страху смерти отъ разбойниковъ и воровъ. Вотъ примѣръ: встрѣтишься съ пастухами, надѣешься получить

отъ нихъ какую-либо милостыню, а они приставляютъ ножъ къ груди и требуютъ съ меня послѣдній халатъ и деньги,—и это было неоднократно; испыталъ и милосердіе: однажды попался въ одномъ персидскомъ городѣ мнѣ казакъ русскій, и я, объяснивъ ему свою нужду, прсиль его совѣта, что мнѣ дѣлать. Онъ научилъ меня идти къ мечети и сѣсть при входѣ въ нее у дверей и ожидать милостыни. Я подошелъ и увидѣлъ, что входящіе въ мечеть персіане снимаютъ свои башмаки, оставляютъ ихъ на наперти и отправляются по обыкновенію въ молельню въ однихъ чулкахъ, изъ уваженія къ священному мѣсту. Посидѣвъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ и, смотря на оставленные въ огромномъ количествѣ богомольцами туфли, я уже началъ соблазняться и думалъ подобрать ихъ побольше и продать—въ такомъ я былъ жалкомъ положеніи; однако опомнился: вошелъ и я за богомольцами въ мечеть, сѣлъ на разостланныхъ по полу коврахъ въ рядъ съ персіанцами, поджавши по обычаю ихъ ноги подъ себя, и вмѣстѣ съ ними сталъ молиться, читая про себя русскія молитвы, а иногда и вслухъ на арабскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ Корана общеупотребительныя выраженія, когда требовался единогласный отвѣтъ отъ народа на призывъ муллы. Для него въ мечети, вмѣсто нашего престола съ алтаремъ, служитъ мунбаръ, или каедрa, устроенная на востокъ, къ сторонѣ Мекки. Помолившись внутренно по русски, а наружно по магометански, я опять вышелъ въ переднюю и, сидя, ожидалъ конца службы. Когда окончилось молебствіе и персіане стали выходить, то одни проходили, не обращая на меня вниманія, другіе устремляли косые пытливые взоры, а иные останавливались и спрашивали меня, откуда я и куда иду, принявъ меня за пилигрима; однако мулла, шедшій позади ихъ, замѣтилъ: «правовѣрные, не испытывайте странника, не утомляйте его распросами; вы видите, что онъ голодный, хочетъ ѣсть». Доброе слово муллы было не безплодно: мнѣ велѣно было подождать—и чрезъ полчаса мнѣ нанесли чурековъ (изъ пшеничной муки приготовленные на подобіе блиновъ лепешки), денегъ и суму, которую я наполнилъ подаваніемъ. На вопросы, откуда я, отвѣчалъ, что я казанскій татаринъ, спасся бѣгствомъ изъ плѣна хивинскаго и иду въ Мекеу; имѣя намѣреніе пробраться въ столицу Персіи, Тегеранъ, я называлъ себя меккскимъ богомольцемъ для того, чтобы тѣмъ угодить магометанамъ, кромѣ которыхъ никого не встрѣчалъ. Хотя путь этотъ былъ и легче для меня, нежели по степямъ отъ Хивы до Персіи, но и здѣсь я долженъ былъ испытать не мало бѣдствій; нищета и крайность въ продовольствіи доводили меня до того, что я долженъ былъ не разъ рѣшаться на такіа дѣла, за которыя подвергалъ себя большимъ несчастіямъ,—и оправдывать могу себя развѣ только тѣмъ, что я въ поступкахъ своихъ согласовался съ обычаями подобныхъ мнѣ несчастныхъ бѣдныхъ путниковъ—и какъ на меня часто нападали и отнимали что имѣлъ, такъ и мнѣ приводилось вымещать свои бѣды на другихъ. Разъ случилось, что въ дорогѣ сошелся я съ меккскими богомольцами и рассказалъ имъ, что и я иду туда же; они пригласили меня идти вмѣстѣ съ ними, и видя мою бѣдность подѣлились со мной деньгами, дали мнѣ одежду и на голову чалму *). Но такъ какъ у меня была въ дорогѣ другая цѣль и я сообщился съ ними для того только, чтобы они меня не обидѣли, то безъ церемоній рѣшился самовольно воспользоваться ихъ довѣріемъ ко мнѣ: на одномъ ночлегѣ, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, я, улучивъ удобную минуту, когда всѣ спали, отрѣзалъ у казначея этой партіи съ деньгами карманъ, и съ этимъ запасомъ дорожнымъ поспѣшилъ отъ нихъ уйти впередъ, а укрывшись отъ преслѣдованія ихъ въ удобномъ потаенномъ мѣстѣ, выждалъ, пока они прой-

*) Головной уборъ странниковъ-богомольцевъ.

дуть, и благополучно пошелъ своей дорогой одинъ. Но за то послѣ и самъ былъ ограбленъ два раза. При другомъ разѣ я не стерпѣлъ: когда старикъ, насильственно вырвавшій у меня изъ рукъ мѣшокъ съѣстныхъ запасовъ, сталъ утолять въ глазахъ моихъ голодъ моими чуреками, я подумалъ: „Господи Боже мой! кому я дозволилъ себя ограбить!“ тутъ я поднялъ съ земли большой камень и придавилъ его. Послѣ, когда уже я былъ возвращенъ изъ Тегерана, при содѣйствіи нашего посланника, въ Россію, я во всѣхъ своихъ грѣхахъ покался на исповѣди у священника.

Въ Тегеранѣ въ военной службѣ есть и русскіе, и одинъ изъ конныхъ гвардейцевъ, генералъ, называющій себя Самсономъ. Онъ очень богатъ. Вѣры христіанской не оставляетъ, и русскіе во время пасхи у него разговляются; но когда была у персіанъ война съ русскими, то русскіе, находящіеся въ военной службѣ у шаха, въ ней не участвовали. Онъ приглашалъ меня остаться въ Персіи; русскіе въ мусульманскихъ земляхъ отличаются предъ туземцами смѣтливостью и ловкостью, но въ военныхъ дѣйствіяхъ кровь противъ сродной крови проливать себѣ не позволяютъ. Въ Персіи вездѣ подземныя для воды трубы и колодцы, гдѣ плаваетъ рыба, которую ловятъ удочками. Въ Персіи, какъ и въ Хивѣ, очень много разнаго рода фруктовъ, большею частію сходныхъ съ астраханскими; но въ Хивѣ для произращенія плодовъ прорыты на нѣсколько сотъ верстъ каналы, иначе не родятся“.

Хивинскій плѣнникъ Бирюковъ, испытавшій столько бѣдствій, живя въ Хивѣ 15 лѣтъ, — довольно крѣпкаго сложенія; отъ зноя солнечнаго, которымъ столько лѣтъ его пекло въ Хивѣ на открытомъ воздухѣ, у него остался навсегда смуглый цвѣтъ лица, которымъ отличаются природные хивинцы. По возвращеніи въ Астрахань, онъ засталъ жену свою и дѣтей здоровыми. Они считали его умершимъ. Онъ живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани, въ селеніи Башмаковкѣ, и занимается садоводствомъ, имѣя свой садъ. Черты его характера: честность и трудолюбіе.

Къ сожалѣнію, этотъ мужественный, ловкій и притомъ невольный путешественникъ, прошедшій болѣе двухъ тысячъ верстъ по средней Азіи и Персіи плѣшкомъ — не грамотенъ. Какую великую услугу онъ оказалъ бы географіи и статистикѣ, еслибъ все видѣнное и пройденное съ такими усиліями въ преодоленіи неимоверныхъ трудовъ, онъ могъ передать описательно! Можно бытъ увѣреннымъ, что и теперь не отказался бы предложить свои услуги тому, для кого потребовалось бы сдѣлать, по его рассказамъ, нѣкоторыя дополненія на картахъ средней Азіи и воспользоваться замѣчаніями и объясненіями. Никто, ни изъ русскихъ, ни прочихъ европейцевъ, — можно утвердительно сказать, никто не обладаетъ такимъ опытнымъ взглядомъ на среднюю Азію, какъ онъ; невольно, неостережись, онъ первый, если поглубже вникнуть въ значеніе его подвига, пронесъ въ сердцѣ чувство христіанское по недоступнымъ для другихъ и не проходимымъ пустыннымъ пространствамъ, среди враждебныхъ имени христіанскому разноплеменныхъ ордъ магометанства.

Со взятіемъ Хивы, первыя попытки Россіи къ поддержанію сношеній съ новопріобрѣтеннымъ ханствомъ и къ водворенію торговли — могли бы гораздо сильнѣе подвигнуться впередъ, еслибъ признано возможнымъ было вызвать какъ его, такъ и другихъ специалистовъ по торговой части въ столицу, откуда исходятъ всѣ благія начинанія къ возвышенію благосостоянія нашего отечества. Изъ простыхъ, но глубоко основательныхъ и вѣрныхъ съ истиною рассказовъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы произойти полезнѣйшія послѣдствія, разрѣшились бы самыя труднѣйшія вопросы относительно неизбѣжной со стороны Россіи цивилизаціи въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, обширныхъ, ни кѣмъ непо-

сѣщаемыхъ пространствахъ, обитаемыхъ народами, которыхъ ни языка, ни обычаевъ, ни условій и образа жизни мы не знаемъ. Подобные спеціалисты, какъ этотъ плѣнникъ и даже нѣкоторые мелочные торговцы съ окраинъ Россіи, прилегающихъ къ восточнымъ предѣламъ Россіи, и испытанные въ вѣрности казанскіе татары и изъ другихъ губерній, могли бы быть въ центрѣ средней Азіи самыми благонадежными проводниками и торговли и жизни русской.

Что замѣчаніе это справедливо, то доказывается тѣмъ, что русское войско, въ четырехъ отрядахъ состоящее, никакъ не могло (при пособіи однихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, плановъ, соображеній и картъ) обойтись безъ руководства и указаній въ достиженіи трудной цѣли, безъ туземцевъ въ степяхъ киргизскихъ; безъ нихъ наши войска могли бы въ этомъ песчаномъ морѣ, какъ въ океанѣ безъ компаса, встрѣтить громадныя препятствія. Объ ощутительной пользѣ, какую въ хивинскомъ походѣ приносили джигиты-киргизы — было неоднократно сообщено изъ отрядовъ въ газеты. Они были самымъ вѣрнымъ пособіемъ географической карты и соединили въ себѣ значеніе штурмановъ на кораблѣ въ морѣ.

Слѣдующіе два рассказа вышедшихъ изъ плѣна русскихъ въ 1840 году любопытны тѣмъ особенно, что свидѣтельствуютъ о томъ политическомъ вліяніи англичанъ на дѣла Хивы, какое они старались поддерживать участіемъ своимъ въ выкупъ русскихъ плѣнныхъ съ цѣлю воспрепятствовать движенію нашего войска.

Одинъ изъ нихъ говорилъ: „я взятъ былъ на Каспійскомъ морѣ въ плѣнъ туркменцами, близъ восточнаго берега, при нападеніи ихъ на наше рыболовное судно, нечаянно, неожиданно. Туркмены брали въ плѣнъ съ согласія Хивинскаго хана. Меня везли на верблюдахъ до Хивы 16 дней, а иногда привязывали и къ хвосту лошади или верблюда. По прибытіи въ Хиву, я поступилъ къ одному зажиточному хивинцу въ работу и находился у него два года. Тамъ земляныя работы кажутся сначала непривычны для русскаго, но потомъ мало по малу свыкаются съ ними; сѣютъ, пахутъ, жнутъ, не такъ какъ у насъ. Послѣ нѣкотораго времени пребыванія тамъ, даютъ плѣннику возможность обзавестись самому хозяйствомъ; онъ получаетъ для земледѣлства быка, а для посѣва достаточное количество сѣмянъ. Всякій по трудамъ своимъ пріобрѣтаетъ прибыль, а нѣкоторые и совсѣмъ обжились, завелись семействами и живутъ съ большимъ довольствомъ, особенно изъ казанскихъ татаръ.“

Большая радость была для насъ плѣнныхъ, когда пріѣхалъ въ Хиву англичанинъ изъ Индіи выкупать насъ. Онъ смѣло и днемъ и ночью, въ халатѣ персидскомъ, съ двумя индѣйцами, съ чалмой на головѣ, разбѣжало по городу и требовало выдачи плѣнныхъ. Повидимому добрый и щедрый человекъ. Онъ сперва ѣздилъ къ хану, въ этомъ же одѣяніи; получивъ его согласіе на выкупъ, онъ отдавалъ ему въ слиткахъ золото, сколько приходилось за каждого, и насъ надѣлилъ каждого на дорогу съѣстными припасами, на каждого человека по золотому и для каждыхъ двухъ человекъ назначилъ по верблуду. Когда выходили изъ Хивы, то самъ ханъ осматривалъ и провожалъ насъ, со свитой изъ нѣсколькихъ человекъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, трубачи ему трубили, а солдаты сдѣлали пять выстрѣловъ изъ ружей; хивинцы, провожая насъ, урекали хана, за чѣмъ онъ затѣялъ съ русскими ссору, — и старшій братъ его присовѣтовалъ ему насъ возвращать.

Когда я взятъ былъ въ плѣнъ, то привезли меня въ Хиву въ 16 дней — можетъ быть я прибылъ бы и скорѣе, еслибъ въ пути вожатые мои не дѣлали лишнихъ иногда поворотовъ въ разные стороны для того, чтобъ не могъ я примѣтить дороги и чтобъ узнавши

я не могъ убѣжать. Изъ Хивы-же достигли мы сначала до Усть-Урта въ 6 дней, а оттуда до Новоалександровскаго укрѣпленія въ 8 дней; воду въ колодцахъ вездѣ находили и брали запасъ съ собой. Нѣкоторые только, можетъ быть, лишившіеся въ Россіи родныхъ и привыкшіе къ Хивѣ, не пошли изъ плѣна и особенно тѣ которые обусурманились; а это случилось потому, что ни церкви, ни священника у насъ не было,—а русскіе находились тамъ и по 20 и по 30 лѣтъ, не исполняя никакихъ обрядовъ, ни исповѣди, ни причастія, ни вѣчанія, ни крещенія. Нужда заставила омагометаниться и привыкнуть къ мечети и муллѣ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ русскихъ были наши церковныя книги, и кто зналъ грамотѣ—читалъ; къ одному русскому собирались и молились. Ханъ не запрещалъ, а только совѣтовалъ принять ихъ вѣру; другіе-же женились и прижили дѣтей отъ хивинокъ*.

Согласно съ этимъ объясненіемъ и другой плѣнникъ рассказывалъ:

«Въ Хивѣ кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ. Фруктовъ очень много родится: виноградъ, дыни, поддульки, шапала, дыни; для поливы устроены вездѣ чигири безъ чего ни хлѣбъ, ни плоды не родятся. Дожди бываютъ рѣдко. Хивинцы добры, съ плѣнными—кто старателенъ и вѣренъ—обходительны, и цѣнятъ трудъ и услугу хорошо. Понимаютъ человѣка, какой бы вѣры ни былъ, не обижаютъ. Туркменцы хуже: когда меня взяли въ плѣнъ, и увидали на шеѣ крестъ, то сорвали и бросили. Хивинцы-же не кощунствуютъ надъ нашей вѣрой: когда захочешь помолиться, и образъ поставишь и затеишь свѣчу, не запрещаютъ, а если и скажутъ что, я говорю: „меня не сдѣлаешь бусурманиномъ“. Плѣнныхъ берутъ не однихъ русскихъ, но и персіянъ; случалось, что хивинцы доходили до Астрабада. Однако персіяне сами другъ друга выдаютъ, и даже продаютъ, и нѣрѣдко по нѣскольку человѣкъ оттуда приводятъ плѣнныхъ. Лѣтомъ хивинцы въ садахъ живутъ, а зимой въ городѣ въ домахъ, хозяйствомъ и скотомъ занимаются. Когда они бываютъ въ Россіи, въ Астрахани, то съ ними никакъ нельзя сойтись: они уклончивы, скрытны, недоступны; въ Хивѣ-же у себя дома они добродушны, и намъ житье было свободное. На праздникъ воскресенья, хозяинъ мой отпускалъ меня къ своимъ русскимъ; принесу ему подарокъ десятокъ яицъ—и освободить дня на два.

Оренбургскій губернаторъ Перовскій не дошелъ до Хивы по причинѣ сильныхъ холодовъ; тогда и хивинцевъ много померзло, къ тому же и вожатые измѣнили; надобно думать: подговорены были. Но когда нашъ русскій Царь приказалъ задержать на Руси до 600 хивинскихъ купцовъ въ Астрахани и Оренбургѣ, тогда Ханъ сталъ поговаривать объ отпускѣ насъ, плѣнныхъ, и говорилъ намъ: «Вашъ Царь желаетъ чтобъ я отпустилъ васъ; я согласенъ, отпущу». Въ это же время прѣхалъ и англичанинъ съ золотомъ, и говорили, будто заплатилъ за насъ хану нѣсколько золота въ слиткахъ*). Онъ останавливался въ саду, въ Хивѣ пробылъ дней 20; онъ одѣтъ былъ по бусурмански, на головѣ у него была изъ полотна чалма: ему предлагали и квартиру, но онъ остался въ саду. Русскихъ собирали къ нему, и онъ только взглянулъ, но ни разговора, ни спроса не было. Просили и персіяне, чтобъ онъ выкупилъ ихъ, хозяйка ихъ хивинцы просили за освобожденіе каждаго персіянина по 20 золотыхъ; онъ отвѣчалъ, что стоятъ и по 40, однако не далъ и не выкупилъ**).

*) Если принять во вниманіе цѣну за которую хивинцы покупали русскихъ у киргизцевъ и туркменъ по 20 золотыхъ за cadaго—и приложить къ тому по одному золотому данному англичаниномъ на дорогу каждому русскому, то выкупъ 418 человѣкъ русскихъ стоилъ ему 42,218, принимая золотой въ 5 р. или немного болѣе.

**) Теперь уже извѣстно изъ газетъ всѣмъ, что святое и великодушное дѣло дать свободу русскимъ и нѣсколькимъ тысячамъ плѣнныхъ персіянъ досталось на долю Россіи, а не Англіи.

Для дороги-же намъ на 418 человѣкъ, вышедшихъ изъ Хивы, выдалъ 418 золотыхъ,—чтобы мы закупили хлѣба и кожаныхъ сосудовъ для воды. Однако запаса хлѣба въ пути не достало; я былъ распорядителемъ—и дошедши до жемчужныхъ колодцевъ, ѣздили за провіантомъ въ Александровское укрѣпленіе. Дорога-до этого укрѣпленія хороша. Мы шли по прямому направленію на Мангышлакъ. Путь этотъ изобилуетъ подножнымъ кормомъ для скота. Встрѣчались и озера, но не часто: то чрезъ сутки, а иногда чрезъ двое—и это было когда стали приближаться къ крѣпости; не рѣдко попадались и камыши».

Въ дополненіе къ этимъ рассказамъ не излишне также сообщить о замѣчательной Аму-Дарѣ.

Теперь болѣе, нежели когда нибудь любопытно имѣть свѣдѣніе о рѣкѣ, которой достигли съ такими огромными препятствіями наши отряды: «подошедши 12 мая къ Аму-Дарѣ—заключаетъ корреспондентъ изъ хивинскаго похода въ письмѣ своемъ о трудностяхъ пути,—сегодня были молебствіе по случаю достиженія берега Аму-Дары, къ которой такъ долго устремлялись наши взоры. И волны и лошади и верблюды упиваются рѣчною водою послѣ долгаго поста. Кому приходилось хоть разъ въ жизни дрожать за каплю воды, тотъ пойметъ нашу общую радость».

Вотъ что сообщилъ въ рассказахъ своихъ о путешествіи въ Хиву въ 1842 г. молодой русскій торговецъ, по дѣламъ торговли, 20-лѣтній крестьянинъ Алексѣй Абросимовъ, котораго вездѣ принимали какъ въ киргизскихъ стѣняхъ, такъ и въ Хивѣ, какъ роднаго, и который успѣлъ заинтересовать знаніемъ татарскаго языка, нравовъ и обычаевъ туркменскихъ, киргизскихъ и хивинскихъ не только простыхъ подданныхъ, но и самого хана, имѣвши случай быть у него три раза, разговаривать и даже быть на пиру данномъ ханомъ, по случаю дня рожденія одной изъ женъ его.

Алексѣй Абросимовъ объ Аму-Дарѣ говоритъ: «я ѣздили въ Хиву два раза на верблюдахъ, въ первый разъ съ двумя армянами, Бендерцовымъ и Красильниковымъ, а во второй разъ одинъ съ небольшимъ караваномъ верблюдовъ съ киргизцами,—и торговалъ въ оба раза съ большимъ успѣхомъ—ходили и ѣздили также по рѣкѣ Аму-Дарѣ. Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ, и течетъ съ востока на западъ, вода чистая, не уступаетъ уральской, на вкусъ мягкая, иногда и мутная, по это происходитъ отъ сильнаго теченія, отъ чего роетъ землю въ берегахъ; въ такомъ случаѣ для питья въ чаю нужно ее отстаивать. Рѣка была бы глубже и шире, но изъ нея прорыто множество канавъ, которыхъ на одной верстѣ бываетъ отъ 5 до 10; воду пропускаютъ изъ нея въ удобныхъ мѣстахъ для поливы багчей (поля засѣянные овощами и хлѣбомъ), земля получаетъ плодородіе и производитъ, при помощи рѣки, арбузы, дыни, хлопчатую бумагу, сорочинское пшено, пшееницу, дыни, кишмишъ и прочіе фрукты. По берегу рѣки растетъ камышъ и тутникъ; ширина рѣки отъ 50—100 сажень, а глубина не болѣе какъ въ ростъ человѣка, мѣстами и глубже. Я проѣзжалъ по рѣкѣ на сто верстъ, но далѣе она течетъ какъ сказывали мнѣ еще на 400 верстъ. Отъ Мангышлака ходу до рѣки Аму-Дары 8 дней; до Хивы отъ нея 100 верстъ; влѣво—Аральское море. Во многихъ мѣстахъ черезъ рѣку ходятъ перевозки или *каюки*, которая дѣлается изъ прутьевъ, толщиной не болѣе какъ въ два пальца и аршинъ длины, скрѣпляютъ ихъ коваными гвоздями; каюки передвигаются отъ берега къ берегу на канатахъ, и по обѣимъ сторонамъ—кибитки для жительства перевозчиковъ. Каюки имѣютъ форму плоскостонныхъ дощаниковъ; на каждомъ по 4 человѣка перевозчиковъ. Такихъ перевозовъ нѣсколько—и надъ всѣми ими главный старшина, — занимающійся сборомъ пошлины съ товаровъ, которая берется съ перевозимыхъ това-

ровъ принадлежащихъ хивинцамъ, киргизамъ а иногда и русскимъ—и не менѣ какъ 10-я часть стоимости; съ лошади и верблюда по 60 к. а съ человѣка по 4 коп. Деньги-же — цѣлковый рубль ходитъ 4 р. ассиг., золотой всякой величины 15 р. ассиг.; хивинскія-же деньги мѣдныя въ 2, 5 и 10 коп., а серебряныя въ

щу предпочитаютъ рыбной, то рыба не имѣетъ у нихъ цѣны и значенія—за исключеніемъ жереховъ, которую рѣжутъ въ куски, вялятъ на солнцѣ и употребляютъ въ пищу, безъ соли. Кумысъ какъ питательный, здоровый и на вкусъ даже пріятный напитокъ, когда къ нему привыкнешь, имѣющій свойство возбуждать и

Туркмены, представляющіе военные трофеи хивинскому хану. Рис. Верещагинъ, грав. О. Ротъ.

20, 40 и 80 к. ассиг. Судовъ по рѣкѣ не ходитъ. Рыба въ ней: бѣлуга, осетеръ, севрюга, а мелкая—сазанъ, лини, жерехъ, вобла, лещи; судака нѣтъ. Для ловли употребляютъ сажень въ 5 сѣти изъ шерсти сдѣланныя; неводовъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ нашихъ рѣкахъ, не имѣютъ. Уловленную рыбу не солить и не заготавливаютъ въ прокъ—и какъ мясную пи-

подкрѣплять силы, замѣняютъ для нихъ всѣ употребляемыя у насъ въ Россіи вина и напитки. Жареная баранина на шишлыкѣ или кебабъ и къ нему кумысъ—составляютъ главнѣйшую необходимость въ жизни хивинцевъ, преимущественно предъ всѣми другими потребностями».

Сообразивъ всѣ неизчислимыя преграды, встрѣчен-

ныя русскими на пути до рѣки Аму-Дарьи, отъ недостатка воды, добываемой въ колодцахъ,—бѣдность хивинцевъ съ бѣдностью природы,—и взглянувъ на эту рѣку, которая, какъ кормилица питающая младенца, составляетъ (при помощи другихъ небольшихъ рѣчекъ) главнѣйшую надежду хивинскаго ханства, снабжаетъ и кормить почти все народонаселеніе овощами, фруктами, хлѣбомъ и рыбой, питаетъ и поитъ скотъ и доставляетъ даже нѣкоторую по роду обычаевъ и занятій въ торговлѣ и промышленности роскошь,—невольно приходится на мысль: скоро-ли и можно-ли ожидать вознагражденія за траты и лишенія понесенныя русскими въ этомъ походѣ,—окупятся-ли издержки употребленныя на занятіе нѣсколькихъ хивинскихъ городовъ, не справедливо-ли гласили англійскія газеты о ничтож-

ности выгодъ для Россіи отъ занятія этой территоріи? Отвѣта на всѣ эти пререканія должно ожидать въ будущемъ. Его почти еще за два вѣка предвидѣлъ Петръ I, создавшій въ гениальномъ умѣ планъ будущаго самобытнаго значенія Россіи въ средней Азіи для благоденствія и крѣпости нашего отечества.

По крайней мѣрѣ, въ будущемъ становятся уже невозможными явленія, подобныя изображенному на прилагаемомъ рисункѣ Верещагина. Это туркмены, возвратившіеся съ набѣга и представляющіе хану головы застигнутого врасплохъ и перерѣзаннаго пикета или пограничнаго отряда, — явленіе весьма не рѣдкое въ недавно минувшіе дни.

Н. Михайловъ.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Но этотъ послѣдній уже не нуждался въ помощи; онъ самъ вылезъ изъ экипажа и подошелъ къ нимъ. Артуръ Берковъ и при этой катастрофѣ остался вѣренъ своей пассивной, апатичной природѣ. Когда бѣда такъ внезапно нагрянула—и молодая жена намѣревалась выскочить изъ кареты, онъ только удержалъ ее за руку и тихо проговорилъ: «Сиди, Евгенія! ты погибла, если рискнешь на прыжокъ!» Затѣмъ они уже не обмѣнялись ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ; но между тѣмъ какъ Евгенія, стоя, поглядывая изъ окна не подоспѣтъ ли помощь и рѣшилась въ послѣднюю минуту отважиться на все,—Артуръ оставался неподвижно на своемъ мѣстѣ; только у самаго моста онъ на мигъ закрылъ глаза рукою—и вѣроятно былъ бы раздробленъ вмѣстѣ съ экипажемъ, не подоспѣвъ помощь какъ разъ во время.

Въ настоящее время онъ стоялъ у моста, пожалуй нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но безъ тремета, безъ малѣйшаго волненія; точно ли онъ не почувствовалъ страха или подавилъ его,—Ульрихъ не могъ опредѣлить, но долженъ былъ сознаться, что въ этой безстрастности есть нѣчто по крайней мѣрѣ необыкновенное. Молодой наслѣдникъ только-что заглянулъ въ глаза смерти, а теперь смотрѣлъ на Ульриха съ такимъ видомъ, какъ будто энергическій спаситель изъ бѣды казался ему непонятнымъ чудомъ-идоломъ.

Линія уже теперь помощь стала притекать со всѣхъ сторонъ. По крайней мѣрѣ двадцать рукъ потянулись поднимать лошадей и приводить въ себя ошеломленнаго страхомъ кучера. Весь кружокъ должностныхъ лицъ столпился теперь около молодыхъ, заявляя имъ свое сожалѣніе и участіе. Отовсюду сыпались вопросы, не понимали какимъ образомъ могло случиться несчастіе, приписывали всю бѣду то выстрѣламъ, то кучеру, то лошадямъ. Артуръ на нѣсколько минутъ отдалъ себя въ пассивное распоряженіе должностныхъ лицъ, потомъ движеніемъ руки отклонилъ ихъ услуги.

— Не трудитесь, господа, прошу васъ! Вы видите, что мы оба невредимы. Позвольте намъ прежде всего добраться домой.

Онъ хотѣлъ подать руку своей женѣ и вести ее къ дому; но Евгенія не трогалась съ мѣста и озиралась по сторонамъ.

— А нашъ спаситель? надѣюсь и съ нимъ ничего не случилось?

— Ахъ да! про него-то мы было и забыли! сказалъ директоръ въ нѣкоторомъ смущеніи,—это Гартманъ удержалъ лошадей! Гдѣ въ, Гартманъ?

Окликнутый не отвѣчалъ, но Вильбергъ, забывшій всю свою досаду во время этого романтическаго подвига, съ жаромъ воскликнулъ: «Вопъ онъ стоитъ!» и поспѣшилъ къ молодому рудокопу, который по приходѣ господъ служащихъ отошелъ въ сторону и теперь стоялъ прислонясь къ дереву.

— Гартманъ, вы должны быть... Боже, что это съ вами? Вы блѣднѣе смерти... и... откуда эта кровь?

Ульрихъ явно боролся съ припадкомъ обморока, но всѣ черты лица его гнѣвно вспыхнули, когда молодой служащій хотѣлъ поддержать его. Разсердясь на то, что его могли заподозрить въ такой слабости, онъ быстро выпрямился и крѣпко прижалъ руку къ окровавленному лбу.

— Это ничего! просто царапина! Будь у меня платокъ...

Вильбергъ хотѣлъ дать ему свой, какъ вдругъ возлѣ него пропумѣло шелковое платье. Молодая жена Беркова, не говоря ни слова, подала ему собственный, обшитый дорогими кружевами платокъ.

Баронессъ Виндегъ весьма вѣроятно впервые приходилось оказывать помощь раненому — иначе она поняла бы, что этотъ воздушный, кружевный, батистовый платокъ отнюдь не могъ унять крови, которая теперь такъ и хлынула сквозь густые бѣловыя

волосы, задержавшіе ее въ первое время. Но Ульрихъ, знавшій это лучше всякаго, тѣмъ не менѣе какъ бы невольно схватилъ предлагаемое.

— Благодаримъ покорно, милостивая досударыня, только это немногимъ поможетъ, сказалъ шахтмейстеръ, уже стоявшій подлѣ сына, положивъ ему руку на плечо;—постой, Ульрихъ! съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана собственный платокъ грубаго полотна и прижалъ его къ довольно глубокой ранѣ.

— Развѣ это опасно? вѣло проговорилъ Артуръ Берковъ, подошедшій въ сопровожденіи прочихъ господъ.

Однимъ движеніемъ Ульрихъ высвободился изъ рукъ отца и выпрямился во весь ростъ. Взглядъ его голубыхъ глазъ былъ мрачнѣе тѣмъ когда либо, въ то время, какъ онъ рѣзко отвѣтилъ: «Нисколько! нечего беспокоиться, я самъ справлюсь».

Слова эти звучали довольно непочтительно; но только-что оказанная услуга была слишкомъ велика для того, чтобы оскорбить имъ. Впрочемъ, господинъ Берковъ повидимому даже обрадовался, что отвѣтъ этотъ избавлялъ его отъ необходимости принимать участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ всего этого дѣла.

— Я пришлю вамъ доктора, проговорилъ онъ своимъ вѣлымъ, равнодушнымъ тономъ,—а благодарность за нами еще. На первое время пока достаточно и этой помощи... Евгенія, сѣмъ ли просить?

Молодая женщина оперлась на подавную ей руку, но уходя, еще разъ оглянулась какъ бы для удостовѣренія себя въ томъ, что необходимая помощь дѣйствительно подана. Казалось, что она не одобряетъ образа дѣйствій своего мужа.

— Весь пріемъ пошелъ прахомъ! сказалъ Вильбергъ, примкнувъ къ кружку должностныхъ лицъ.

— Со всѣмъ и со стихами вашими! подшучивалъ оберъ-инженеръ,—кому теперь пойдутъ въ голову стихи, да цвѣты? Людямъ, вѣрящимъ въ предназначеніе, пріемъ этотъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Смертный страхъ, рана, кровь—вирочемъ все это въ вашемъ вкусѣ, Вильбергъ. Можете написать балладу, только на этотъ разъ героемъ ея будетъ Гартманъ».

— А все-таки онъ чистѣйшій медвѣдь! воскликнулъ раздосадованный Вильбергъ,—неужели онъ не могъ поблагодарить господа за платокъ? и какъ грубо его отвѣтъ г. Беркову! Но что за гигантская натура у этого человѣка! Я его спрашиваю, зачѣмъ онъ раньше не перевязалъ своей раны, а онъ коротко отвѣчаетъ, что не замѣтилъ ея. Просту покорно! Получаетъ этакій здоровенный ударъ въ голову, который бы у всякаго вышибилъ память, — и затѣмъ укрощаетъ лошадей, несетъ на рукахъ господа и до тѣхъ поръ не чувствуетъ раны, пока не хлынула кровь. Выдержи кто другой!

Рудоконы между тѣмъ столпились вокругъ своего товарища. Обхожденіе молодого наслѣдника повидимому глубоко ихъ оскорбило. Тамъ и сямъ виднѣлись мрачные взгляды, слышались фдкія замѣчанія, даже шахтмейстеръ нахмурился и на этотъ разъ не сказалъ ни слова въ защиту молодого господина. Лицо молодой дѣвушки выражало сильнѣйшее безпокойство, которое не ускользнуло бы даже отъ Ульриха, еслибъ глаза его не были обращены совсѣмъ въ противоположную сторону. Долго и мрачно глядѣлъ онъ вслѣдъ уходящимъ господамъ, очевидно забывая боль отъ раны.

Намѣреваясь надлежащимъ образомъ сдѣлать перевязку, шахтмейстеръ замѣтилъ, что сынъ его все еще держитъ въ рукѣ кружевный платокъ.

— Какже, и голосъ старика отзывался необычной горечью,—кружева-то какъ разъ бы тутъ пригодились! Отдай это Марті, Ульрихъ, она возвратитъ ихъ господамъ.

годъ

пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 годовъ.
2. Диспозиція и церемоніаль въѣзда императрицы Анны въ С. Петербургъ въ 1732 году.
3. 23 письма императрицы *Екатерины II* къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. 1767.
4. О говѣніи чиновниковъ въ великій постъ (1789).
5. Собственноручные замѣтки А. П. *Ермолова* объ его молодости.
6. Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина, статья гр. М. Д. Бутурлина.
7. Незданная басня И. А. *Крылова*: Пестрыя Овцы.
8. Изъ записной книжки П. М. *Языкова* (огр. Е. Ф. Канкринъ).
9. Сыскное дѣло о походѣ въ Хиву, 1697 г.
10. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, В. И. *Дала*.
11. Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ (сообщено барономъ М. А. *Корфомъ*.)
12. Письма Н. М. *Карамзина* къ Е. О. Муравьевой.
13. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ М. Н. *Лоннинова*.
14. Новыя бумаги для біографіи герцога Бирона (сообщено С. М. *Соловьевымъ*.)
15. Шуточное письмо Н. В. *Гоголя*.
16. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, г. *Дмоховскаго*.
17. Два слова о библіотекѣ гр. Д. П. Бутурлина, С. А. *Соболевскаго*.

МОСКВА.

Въ типографіи Т. Ризъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1867.

«Это вамъ сдѣлаетъ вредъ», сказалъ Арендтъ. — «Полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину и что мнѣ вредно и что полезно.» «Позвольте вамъ замѣтить, графъ, прервалъ Арендтъ, что я хорошо знаю, что вы хорошій министръ, но дурной медикъ и архитекторъ. — «Меня ужасно раздосадовалъ Арендтъ—говорилъ графъ женѣ—пусть бы еще называлъ плохимъ докторомъ, а дурнымъ архитекторомъ—это просто грубость!» Канкринъ почитаетъ себя отличнымъ архитекторомъ. Онъ старъ, но поклонникъ прекраснаго пола.

СЫСНОЕ ДѢЛО 1697 ГОДА О ДОРОГѢ ВЪ ХИВУ.

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣвичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои Андрюшка Нарышкинъ съ товарищи челомъ быють. Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 205-мъ году, Февраля въ 14 день, въ твоей, великаго государя, грамотѣ писано къ намъ, холопямъ твоимъ, въ Тобольскъ. Указалъ ты, великій государь, которые были въ Казачьей ордѣ у Тевкихана Тобольскія дѣти боярскія Ѳедора Скибина съ товарищи допросить: сколь далеко отъ Тобольска до Казачьей орды и какимъ путемъ ходъ бываетъ и много ль дней идти будетъ сухимъ путемъ; горы каменные есть ли, и лѣтнимъ путемъ ратнымъ людямъ какимъ въ кормахъ скудости не будетъ ли, и сколь рѣкъ, и тѣ рѣки велики ль и переправы какія черезъ тѣ рѣки; отъ Тевкиханова города до Бухаріи сколько пути, и сухой ли путь или водяной, и буде сухимъ путемъ, можно ль ѣхать, и въ сколько дней поспѣть можно, также отъ Бухаріи до Яика, куда ближе въ Хиву или въ Астрахань и какимъ путемъ сухимъ или водянымъ; горы или камень въ тѣхъ мѣстахъ есть ли. Тому всему учинить чертежъ по три аршина, и на томъ чертежѣ написать все подлинно и подписать именно, и о томъ

къ тебѣ, великому государю, писать и тотъ чертежъ прислать къ Москвѣ, цезамотчать⁽¹⁾.

И по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ, Тобольскія дѣти боярскія: Ѳедоръ Скибинъ, Василій Кобяковъ; конные козаки: Александръ Алемасовъ, Матюшка Трошинъ, Потапко Михайловъ, Ѳомка Мосеевъ, Ларька Серебряковъ, толмачъ Богдаска Неустроевъ, приставъ Ѳедька Ленева, полоненникъ Алешка Щепоткинъ, Якушко Уфинецъ; колмыки новокрещенные: Климко Алексѣевъ, Ивашко Григорьевъ, Бухаретинъ Тюлюкъ-бай; Тобольскіе жъ татары: Юлюкъ Шаманаевъ, Таушко Мерченъ, Аникъ Чичиревъ, въ Приказную Палату сысканы и допрашиваны, а въ допросѣ сказали:

Отъ Тобольска де въ Колмыки и въ Бухарію и въ Казачью орду дорога: изъ Тобольска вверхъ по Иртышу-рѣкѣ до Колмыцкаго перевоза до Шаншинскихъ юртъ тридцать верстъ, и переправяся Иртышъ на правый берегъ лугами черезъ многія грязныя рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ, дубравами и борами чрезъ заставный Адабашскій острогъ ходу четыре дни и до перевоза чрезъ Вагай до Капкашинскія волости ходу два дни до переправы; а переправяся Вагай рѣку, суземъ⁽²⁾ чрезъ тонкія и зыбучія и мелкія болота, минуя озеро Якишулъ и вышедъ на Ишимскіе нады на рѣчку Карасунъ выше и ниже ходу четыре дни: и ѣдучи подлѣ Ишимъ до урочища бору Шанши-карагаюдесять дней, и переправяся Ишимъ рѣку идти бездорожицею по правой сторонѣ по знакамъ, переправляясь съ урочища на урочище на послѣдніе степные броды, на вершину Ишима-рѣки на Каменный бродъ, ходу дней съ десять; а ходъ де бываетъ конными и верблюды нужный, а тѣлегами тѣмъ путемъ и идти не возможно, потому что де та дорога околична и многіе по ней сгорки и объѣзды и рѣчки крутоберегія и грязныя и лѣсныя и водою глубокия и болота зыбучія и грязи тонкія и безъ мостовъ де перебродить не возможно. И по той де Ишимской околичной дорогѣ

(1) Т. е. немедля.

(2) Т. е. топкая почва.

до самаго Каменнаго брода людямъ и скоту рыбою и птицею и травою кормиться можно. А съ вершины Ишима рѣки, перебредши Каменный бродъ до Казачьей орды до Тевкиханова Туркестана-города, дорога лежитъ прямо на зимній полдень, подлѣ рѣчекъ для воды и для конского корму, черезъ рѣчку Терсазеръ Сарысу, въ лѣвъ камень Улутау до рѣчки Чиганамана, ходу четыре дня; а съ Чиганамана степью черезъ Тарганскую вершину до Тныркуля-озера, а надъ тѣмъ озеромъ камень частохолмъ не высокъ, и многія де съ него въ Тургай рѣчку пади, а ходу де три дня; и у того де озера воровскіе воинскіе люди, воевавши по слободамъ, покидаютъ тѣлеги, арбы и кошевую посуду дальняго похода. А отъ Тныркуля-озера по камню чрезъ рѣчку Кынырю подлѣ нея до большой рѣчки Кынырбая ходу полтора дня, а Кынырбай де рѣчка течетъ съ Востока изъ подъ камня отъ Норъ-Ишимскихъ озеръ, мѣстами быстра, а индѣ тиха, а устьемъ де пала съ лѣвой стороны въ Сарысу-рѣчку; а на устьи въ мысѣ Чудской кирпичный городъ Сургана развалился, а осталось де еще три палаты цѣлыхъ; да въ Кынырбай же съ лѣвую сторону отъ Торганскихъ вершинъ рѣчка Кындыръ пала устьемъ выше Буюганы, ходу на три дни. А переѣхавъ Кывырбай-рѣчку камнемъ, а подлѣ рынь-пески до мечети Каменной Палаты, ходу три дни; а отъ мечети до устья наволоками до Буюганы ходу три дня; а въ наволокахъ конскій кормъ тамъ мелкій и камышъ и воды желтыя, людямъ и скоту не здоровы и трава колюча, больше шипишнику, называютъ цюнга и тиканъ, и отъ той де травы бываетъ мыто и отъ солонцевъ скотъ умираетъ; а по пескамъ и по камню во всей де ордѣ растетъ древо Соксоунъ, подобно сандалу, а большаго лѣса никакого нѣтъ. А отъ Бурганы перейти Сарысу рѣчку въ низъ по ней наволоками, минуя кладбище и три мыса, урочище Кашаунъ до урочища Кручинъ-кушъ ходу шесть дней. И въ томъ де мѣстѣ сошелся малопреходный съ обѣихъ сторонъ камень подлѣ рѣчки Сарысу, а тѣмъ де нужнымъ ходомъ идти два дни, а миновать де того мѣста

невозможно. А проходъ де промежъ тѣхъ камней въ одинъ человѣкъ, а шерингою и телѣгами идти невозможно. И къ тому мѣсту со всѣхъ сторонъ со степи отъ городовъ и отъ кочевья и Тобольской дороги сошлись въ одно мѣсто до Туркестана за шесть дней; и на томъ де мѣстѣ воровскіе люди ждуть каравановъ, и, сождавъ, разбиваютъ и грабятъ. И прошедъ камень и камышъ до урочища Тюмень-Карагай, до пятнадцати деревъ, день ходу; отъ того послѣдняго кормовища берутъ изъ Сарысы-рѣчки воду въ запасъ на три дня, и отъ того де Туркестанская дорога раздѣлилась на двое: одна въ право, а другая въ лѣво. А Сарысъ де рѣка противъ тѣхъ пятнадцати деревъ, отшедъ отъ дороги, съ полднища, пала устьемъ подъ землю въ озеро Тиникуль. Да отъ пятнадцати де деревъ, по правую сторону дорога песками до камня, а къ Сумя ходу полтора дни; и отъ того де камня дорога въ Каракалпаки, а на верху того камня башня и караулъ, и по степи де видѣтъ всякихъ людей далече; а ходу де подлѣ того камня два дни; а на выходѣ де того камня казачій городъ Юзугантъ, а отъ Юзуганта ходу козацкими городами до Туркестана три дни; а отъ Туркестана до Сырта-рѣки ходу полдня, а по лѣвую сторону отъ пятнадцати жъ деревъ по Калмыцкой дорогѣ, минуя три Чойскія озера, и въ тѣ озера пала устьемъ Чой-рѣка, не дошедъ до Сырысу за полднища и ушла озеромъ подъ землю. А подлѣ Чоя Калмыцкою дорогою, мимо трехъ Чойскихъ озеръ, до камня Улутау ходу день, а съ камня до Туркестана камнями ходу два дня. Всего черезъ Ишимъ рѣку вышеписанными дорогами отъ Тобольска до Тевкиханова города Туркестана среднимъ ходомъ два мѣсяца, а скорымъ ходомъ тридцать дней, а тихимъ ходомъ девять недѣль. И тѣ де обѣ дороги отъ пятнадцати деревъ нужны людямъ и скоту безкормны, а по камню и въ городѣ въ близости лѣсу никакого нѣтъ, а ѣсть де варятъ, вмѣсто дровъ, конскимъ каломъ, а привозные де дрова таль и вѣтельвикъ изъ наволоковъ отъ Сырта-рѣки продаютъ въ городахъ व्यюкъ прутнику мелочи полтину. А города де Казачь-

ей орды отъ Туркестана всѣ въ близости, городъ отъ города въ виду, а и дальніе де города, подъ каменемъ; ходу до нихъ дни по три, и по степи де, а отъ Сырта-рѣки въ дальномъ разстояніи, а при рѣкахъ де въ близости не живутъ, а дѣланы де въ городахъ ихъ многіе колодцы, а городовъ де ихъ всѣхъ и считаютъ двадцать. А крѣпости де въ Туркестанѣ и въ городахъ валены, валы земляные и по валу кладены стѣны кирпича необожженаго, а вышиною и съ валомъ стѣна сажени въ полтрети, а шириною мѣстами въ сажень, а въ иныхъ мѣстахъ больше и меньше, а къ верху аршина по полутора и по два; а больше де у нихъ въ городахъ валены одни земляные валы безъ кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а рововъ де копаныхъ нѣтъ. И во всѣхъ тѣхъ городѣхъ живутъ Бухарцы, а казаковъ мало, а казаки де всѣ живутъ для пашенныхъ земель по кочевьямъ, а пахоти де ихъ скудны, коней и овецъ много, а коровъ мало; кормятся мясомъ и молокомъ. А къ бою де удачливы, волшебству де ученые отъ Донскихъ бѣглецовъ, а по смѣтѣ де всѣхъ ихъ казаковъ будетъ тысячь съ двадцать и больше. А бой де у нихъ лѣсной и копейный, а пушекъ де нѣтъ и мелкаго, длиннаго, огненнаго ружья мало, а кузнецевъ де у нихъ не сказываютъ, а огненное де ружье и порохъ и свинецъ и луки привозятъ изъ большой Бухаріи: а сказываютъ де, что берутъ селитру по кислымъ озерамъ и варятъ въ котлахъ, а сѣра де топится и изъ камени близко Еркенскихъ городовъ, а свинецъ де плавятъ изъ руды въ городѣ Карнакѣ и порохъ де чипятъ пріѣзжіе Бухарцы-полоненники; а руду де красной мѣди плавятъ на Тобольской дорогѣ. А рѣкъ де большихъ въ землѣ ихъ нѣтъ, а три де рѣки изъ подъ камени пали и тѣ среднія, а Сыртъ де рѣка течетъ изъ подъ камени, отъ городовъ ихъ не въ близости, а рыбы де въ ней мало, да и не ловятъ, а пала де устьемъ въ море Хивинское или Аральское, течетъ съ обѣдника ⁽³⁾ въ ночь, а ходу де до устья ея дней на двадцать; а полнымъ де рѣкамъ

ходу дней по пяти и по десяти, и тѣ де рѣки не широки, и перевозовъ по нимъ нѣтъ, броды въ нихъ мелкіе, а степь голая. А по всей де степи, по рѣкамъ и по рѣчкамъ, кругъ озеръ и болотинъ, большаго лѣсу нѣтъ, растетъ бѣлый и черныи мелкій таль, мѣстами и вѣтлырикъ, а много нѣтъ; а по пескамъ и по камнямъ растетъ небольшое дерево Соксоусъ, а походитъ листемъ на жимолость, а корою на сандалъ, а уголемъ жарокъ и не гаснетъ, часто уголья дни три и больше, а въ кочевьяхъ де бѣтъ варять конскимъ каломъ и камышемъ. А отъ Туркестана де земли въ низъ по Сырту-рѣкѣ на три дни до города Юзуганту, и въ томъ де городѣ Тевкиханъ въ прошломъ въ 203 году поступился Каракалпакомъ для сбора половиною городовъ и пашутъ пашню съ казаками живучи сообща. И отъ Юзуганту въ низъ же по Сырту по обѣ стороны кочуютъ Каракалпаки на десяти днищахъ до мечети ихъ Курчутъ. А городовъ де особыхъ нѣтъ, а къ воинскому де дѣлу съ казаками одного ученья и кормятся воровствомъ, а будетъ де человекъ ихъ тысячь съ шесть и больше, а ружье де казачье, пушекъ нѣтъ же; а владѣлецъ де ихъ Тобурчакъ-султанъ. А пріѣздъ де къ нимъ изъ Тобольска тою жъ одною дорогою чрезъ камень, а вверхъ по Сырту отъ Туркестана до города Сайрану ходу три дни, а смеженъ съ Юркенискими городами; а въ третью де сторону на западъ къ Бухаріи за Сыртъ-рѣку кочевья до четвертаго колодца на четыре днища, а въ четвертую де сторону отъ Туркестана на востокъ по Талаши-рѣкѣ все кочевья казакія; а городовъ нѣтъ, ходу де до нихъ шесть дней, смежны съ калмыцкимъ Арапаномъ. Да отъ Туркестана жъ въ Бухарію до Сырта-рѣки конямъ ходу полдня и переправяся до колодца названіе Дертъ-Кутука, ходу три дня; а отъ Кутука чрезъ три колодца ходу степью пять дней до Ашты; а отъ колодца Ашты малозимовья до города въ Бухарію на верблюдахъ ходу шесть дней топкими и безводными степями, а воду де везутъ на верблюдахъ. А градъ де Бухарія строеніемъ и вышиною что Туркестанъ, а входу де въ него двѣнадцать

(3) Съ полудня, съ юга.

башень, а владѣлецъ де ихъ Самангульханъ; города де и уѣзды подъ нимъ многіе, а воинскихъ людей у него тысячь съ четыреста и слывуть де они Кокутаны, люди де рукодѣльные, торговые, а не вои-
 нсты; и мелкаго огнениаго оружія много, зелье де и свинець дѣлають сами, а бое-
 выхъ пушекъ, по сажени, будетъ съ пять-
 десять; а воздухъ и воды у нихъ не здо-
 ровы, тлетворны, вѣтры часто бываютъ.
 Отъ Большой Бухаріи переправясь Аму-
 Даря рѣку, коя подъ Бухарією и подъ
 Хивинскими жилищами до города Хивы,
 Хивинскими городами и кочевьями ходу
 пятнадцать дней, а межъ городовъ степь
 песчаная и водъ много, да не здоровы. А
 городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ
 такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ
 постороннихъ городовъ много, а люди де
 невоиnstы, рукодѣльны; ружье и зелье дѣ-
 лають сами, а пушекъ де у нихъ не ви-
 дали, а бояръ де называютъ они Атаьска-
 ми, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ
 Раятами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы,
 Трухменцы. Да отъ Тобольска жъ де по до-
 просамъ слободскихъ жителей многихъ вѣ-
 домцевъ и бывальцевъ пристойная де до-
 рога вѣшняго пути въ Казачью орду сло-
 бодами въ верхъ по Тоболу рѣкѣ, чрезъ
 многія рѣчки Тобольскимъ уѣздомъ до Тор-
 ханскаго острога 100 верстъ, отъ Торхан-
 скаго острога до Ялуторовской слободы 30
 верстъ, отъ Ялуторовской до Суерской сло-
 боды 30 верстъ, отъ Суерской до Усть-
 Суерской 20 верстъ, отъ Усть-Суерской до
 Бѣлозерской 25 верстъ, отъ Бѣлозерской
 до Иковской 15 верстъ, отъ Иковской до
 Царева Городища 20 верстъ, съ Городища
 до Утяцкой 20 верстъ, отъ Утяцкой до Ка-
 мыцкой 40 верстъ. И отъ тѣхъ верхнихъ
 Тобольскихъ слободъ съ Царева Городища
 и изъ Утяцкой и Камыцкой черезъ степь
 до Ишима ходу приходною Ордынскою до-
 рогою 5 дней и степь равная, горъ нѣтъ,
 людямъ и скоту кормно. И переправясь
 Ишимъ-рѣку ходу большою лукою, про-
 званіемъ Улутагой, ходу до Каменнаго Бро-
 да 5 дней, и перебрѣвши по тѣмъ же вы-
 шеписаннымъ урочищамъ до Туркестана хо-
 ду по дорогѣ Туркестанской, что писано
 выше сего.

И по тѣмъ ихъ сказкамъ велѣли мы, хо-
 лопи твои, сдѣлать чертежъ на Бухарской
 бязи⁽⁴⁾ и рѣки урочища и дороги и города
 на томъ чертежѣ подписаны именно, и
 тотъ чертежъ послали къ тебѣ, великому
 государю, мы, холопи твои, Тобольскаго
 уѣзда слободскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ
 съ сотникомъ съ Ѳедотомъ Матигоровымъ,
 да съ татаринномъ Стеушкомъ Мерченемъ;
 а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явиться
 и отписку и чертежъ подать въ Сибирскомъ
 Приказѣ боярину князю Ивану Борисовичу
 Репнину съ товарищи.

(Выписано изъ Архива Министерства Юсти-
 ціи. Сообщено П. В. Калачовымъ).

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ

изъ похода въ Хиву.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 и
 1840 годахъ, по мысли и подъ предводитель-
 ствомъ Оренбургскаго военнаго генералъ-губер-
 натора (гр.) Василія Алексѣевича Перовскаго,
 для обузданія хищныхъ Хивинцевъ, безпокоив-
 шихъ тамошніе предѣлы Россіи, — почти вовсе
 у насъ не извѣстенъ. О немъ долго ходили тем-
 ные слухи, и не упоминалось ни единымъ сло-
 вомъ въ Русской, всѣмъ доступной, печати.
 Только въ 1860 году, въ Чтеніяхъ общ. ист.
 и др. при имп. Моск. унив. (кн. I, стр. 147—
 166), появилось, сколько мы знаемъ, первое
 печатное извѣстіе объ этомъ достопамятномъ
 походѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Военное пред-
 пріятіе противу Хивы*. Статья эта очевидно
 составлена по бумагамъ подлиннымъ и содер-
 жить въ себѣ сжатое, но точное и дѣльное
 изложеніе всего хода дѣлъ. Цѣлью предпріятія,
 начатаго подъ видомъ послышки ученой экспе-
 диціи къ Аральскому морю, было «смирить хана
 Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ
 Байсацкимъ, упредить по возможности поря-
 докъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать пол-
 ную свободу торговлѣ нашей» На издержки

(4) Бязь—бумажная ткань, бумажный холстъ.